

МАША
ТРАУБ

Читайте книги Маши Трауб

ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ МЛАДЕНЦЫ
Я НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА
ВСЯ LA VIE
СЕМЕЙНАЯ КУХНЯ
ЛАСТОЧ...КА
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА
НЕ ВСЯ LA VIE
ПЬЯНАЯ СТЕРЛЯДЬ
ДНЕВНИК МАМЫ ПЕРВОКЛАССНИКА
ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА
ДОМИК НА ЮГЕ
ОСТОРОЖНО – ДЕТИ! ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
СОБИРАЙСЯ, МЫ УЕЗЖАЕМ
СОНЯ И АЛЕКСАНДРА
ПЛЮС ОДИН СТУЛ
ЧУЖОЙ
СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ
ИСТОРИИ МОЕЙ МАМЫ
НАША ДЕВОЧКА
ПЛОХАЯ МАТЬ
ШУШАНА, ЖУЖУНА И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
ПРОДАЕТСЯ ДОМ С ДЕДУШКОЙ
ВТОРОЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС
ЛИШНИЕ ДЕТИ
БЕДАБЕДА
ИЛИ Я СЕЙЧАС УМРУ ОТ СЧАСТЬЯ
ЛЮБОВЬ СО СТРАННОСТЯМИ И БЕЗ
ВСЕГДА КТО-ТО ПЛАТИТ
МОЯ БАБУШКА – ЛЕРМОНТОВ
ПОЛНОЕ ОЗООМЛЕНИЕ
НА ГРАНИ РАЗВОДА
ПЛОХАЯ ДОЧЬ
УВАЖАЕМЫЕ ОТДЫХАЮЩИЕ!
ТЕТЯ АСЯ, ДЯДЯ ВАХО И ОДНА СВАДЬБА
НЕ МАМКАЙ!
СУП, ВТОРОЕ И КОМПОТ
ПОСМОТРИ НА МЕНЯ

МАША ТРАУБ

Уважаемые
отдыхающие!



Москва
2022

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Разработка серии и оформление обложки:
*Александр Кудрявцев, студия графического
дизайна «FOLD & SPINE»*

Иллюстрация на обложке *Ирины Ветровой*

Трауб, Маша.

Т65 Уважаемые отдыхающие! / Маша Трауб. —
Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-118161-1

Уважаемые отдыхающие!

В курортных местах принято жить по другому календарю. Здесь есть всего два времени года — сезон и несезон. И два времени суток — открыто и закрыто. У местных жителей есть прошлое и настоящее, но никто не знает, наступит ли будущее. Уважаемые отдыхающие, эта книга для вас.

Маша Трауб

**УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Трауб М., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-118161-1

*Все персонажи вымышлены,
и любое совпадение с реально живущими
или жившими людьми случайно.*



— **И**льич, куда ставить-то?

— На голову мне поставь!

— Так мне все равно, я могу и на голову! Сколько можно телепаться с этими стульями — туда отнеси, сюда принеси. Я чё, нанимался стулья таскать?

— Нанимался! Во двор отнеси!

— Так со двора принеси!

— У Гали спроси. Она знает, куда ставить.

— Галина Васильевна! Куда стулья-то? Ща тут брошу!

— Я те брошу. На голову мне поставь!

— Ильич, у меня отдыхающие ключи уносят, не сдают. Я им говорю — сдавайте, я уберу, а они не сдают. Я ж зайти в номер не могу. Они ж потом жалуются, что мусор не вынесли, полы не протерли. Так мне жалко, что ли? Я ж понимаю, что людям в чистое хочется вернуться. Так я что, в форточку должна влезать? Как я без ключей-то? Давай сделаем запасные. Ну что я над этими ключами больше всех трясуся? От пятого — один остался. Ильич, слышь? От пятого, говорю, один. Если что — дверь ломать будем. Я им табличку, как ты велел, выставила — штраф за уте-



рю. Так и что б они на табличку глядели! Да и зачем им таблички? Люди отдыхать приехали! Я ж хочу, чтобы чисто было, чтобы люди довольны, а они не довольны. Я им про ключи говорю, а они мне про мусор. Ну я их и так караулю. Так за всеми не углядишь — кто когда пришел, кто ушел. А если дети маленькие? Так надо до обеда убирать. Чтобы дите поспать могло. Ильич, давай дубликаты сделаем. Ну сколько можно просить? И окно надо починять на втором этаже. Хлобыстает туда-сюда. Я ж подкладываю бумажку, но оно все равно хлобыстает. Рама на соплях уже. Один раз шваркнет и на голову кому-нибудь свалится. А если ребенку, не приведи господь? Они ж во дворе все время!

— Настя! Вас для чего наняли? Чтобы вы убирали! Вот и убирайте! Если какие вопросы по ключам и уборке — скажите Галине Васильевне! Про форточку — к Феде.

— Чё Федя-то? Чуть что — Федя крайний! Раму я чинил. Сто раз говорил, нечего дергать и шваркаться! Настя как шваркнет, так любая рама отвалится. Если осторожно поднажать, так она и закроется!

— Ильич, я не шваркаю! Там на соплях все давно. Как было, так и осталось. У Феде руки из одного места. Бывают же мужики безрукие! Ильич! Давай слесаря нормального вызовем! Да хоть Мишку!

— Вызывай своего Мишку. Он уже неделю бухает.

Уважаемые отдыхающие!



— А тебе лишь бы языком чесать! Стулья унеси со двора! Ильич, так чё с ключами-то? Я ж уже как партизан за отдыхающими слежу. Они от меня шарахаются. Я ж только убрать.

— Где Галина Васильевна? Галя! Галя!

Этот разговор происходил в небольшом дворике перед зданием, которое теперь именовалось гостиницей, а раньше было пансионатом, еще раньше — доходным домом, а еще раньше — частным.

Частный дом строили для себя, для семьи, многочисленных разновозрастных детей, тетюшек с низким давлением, дядюшек с бронхами, кузин с нервами и кузенов с карточными долгами. Специально выписанный из столицы садовник отвечал за дерево шелковицы, которое так любила кузина с нервами, кусты олеандров, крошечные пальмы и каштановые деревья. Два кипариса были специально высажены на террасе под окнами для главы семейства, который, впрочем, так их ни разу и не увидел. Как и собственный частный дом. Глава семейства страдал сердцем и лежал в покоях в столице, пока садовник колдовал над кипарисами — приживутся ли? Кипарисы прижились, а хозяин дома отошел в мир иной.

Вдова приняла решение превратить усадьбу в доходный дом, что вызвало массу пересудов среди многочисленных родственников. Но перспектива дохода оказалась желаннее, чем нико-

Маша Трауб



му не нужна память о покойном. Вдова же, при жизни мужа не вмешивавшаяся в ремонтные и прочие хозяйственные дела, вдруг обнаружила не пойми откуда взявшуюся деловую жилку и затеяла грандиозный ремонт, решив провести в дом водопровод и уж совсем небывалое излишество и роскошь — канализацию.

О доходном доме быстро заговорили. И комнаты не стояли пустыми. Вдова разбогатела так, что покойный муж в гробу переворачивался. Родственники все как один молчали, благодарили и улыбались. Им тоже перепало от доходов. Вдова вдруг стала состоятельной женщиной и снова богатой невестой. Незамужние кузины хотели что-то сказать, но языки прикусили. С вдовой ссориться было невыгодно.

И уже можно было начинать гадать, что будет дальше, за кого вдова в результате выйдет замуж, если бы не новые порядки. Вдова первой почувствовала, что «дело пахнет керосином», как сказали бы в советские годы, и передала доходный дом на нужды революции. Кузины считали, что не безвозмездно, а за приличную сумму. Это потом стали забирать и национализировать, а вдова успела продать. Иначе на какие шиши она бы обосновалась в Париже вместе с новым мужем? Ушлая оказалась дамочка. А с виду и не скажешь. Откуда что взялось? А ведь раньше была тихая, неприметная.

После революции дом регулярно потряхивало. Он повидал на своем веку многое — и бес-

Уважаемые отдыхающие!



призорников, для которых здесь была устроена школа, и видных деятелей, приезжавших сюда отдохнуть от государственных дел. Потом здесь располагались детский сад, госпиталь, некоторое время дальняя дача для начальства, ближняя дача, снова детский сад и, если верить сплетням, дом свиданий. Несколько лет дом стоял заброшенный, забытый, поникший, никому не нужный.

Уже в позднее советское время про дом вспомнили и решили применить его туда, куда не нужно, но вроде стоит, потому как больше вроде и некуда. Государственные деятели предпочитали другой пансионат, для больницы было построено новое здание, детский сад обособовался в еще одной новостройке. После недолгих споров дом с трудной судьбой был объявлен Домом творчества. Так сказать, для работников культуры в широком смысле. Сюда могли получить путевку художники, музыканты, писатели, журналисты и другие деятели творческого труда. В одном месте и под условным приглядом.

Внутренности и внешность дом, получивший гордое название, изменил кардинально, тут уж ничего не поделаешь. Прежде всего появились таблички на стенах. Просто удивительная в то время была страсть к табличкам и плакатам. Разрешается, запрещается, правила поведения. Это сейчас смешно вспоминать. Молодежь, та вообще не понимает. А раньше



понимали — распорядок дня, корпус открыт «с и до». «Посещение посторонних лиц без талона на проживание запрещено». «Постельные принадлежности выносить из корпуса категорически запрещено». «Телевизор в холле выключает дежурная в 23.00». «Отход ко сну в 23.00. Администрация». «Закрывайте двери в корпус. Администрация». «Перед выездом сдать номер дежурному администратору. Администрация».

Мифическая инстанция. Строгая и карающая. Ох, молодежь ничего не знает, а старшее поколение помнит. Поэтому слушается. Загуляли после одиннадцати — всё, двери на замке. И хоть стучись, хоть ломись, не пустят. Ладно, если номер на первом этаже, тогда можно через балкон перелезть. Или умолять дежурную, стоя на коленях, и обещать, что в первый и последний раз. В зависимости от темперамента и жизненного опыта у жильцов были и свои способы нарушать запреты и задабривать строгое карающее божество под названием «Администрация». Кто-то ломился в двери с бутылкой вина и шоколадкой, кто-то шуршал купюрами, кто-то устраивал скандал, да так, чтобы все слышали. Творческая интеллигенция, что с нее взять? И выносят, и не сдают, и ко сну вовремя не отходят.

Галя, Галочка, Галина Васильевна, Галчонок — как только ее не называли отдыхающие — дверь всегда оставляла приоткрытой. Только чуть толкнуть надо. И люди ей понятливые попада-

Уважаемые отдыхающие!



лись — заходили тихо, на цыпочках, дверь аккуратно прикрывали, чтобы не грохнула ненароком. Федя же, когда дежурил, запирали калитку на все замки. Люди трясли железную дверь, сначала деликатно, потом настойчиво, били камнем по решеткам, а он сидел в своем закутке на полу, за ситцевой занавеской, и не открывал. Ему нравилось власть показывать. Потом открывал, конечно, но с таким особым одолжением. Перед этим еще кричал, громко, чтобы все слышали: «Правила для кого писаны? Для всех писаны! Не открою! У нас порядок! И не стучите!» Потом, конечно же, открывал, потому что с балконов начинали кричать: «Да пустите их уже! Сколько можно?» Калитка, хоть и железная, ежедневных терзаний, естественно, не выдержала. Собачка слетела, и замок держался на честном слове. Галя предложила оставить дверь нечиненной, чтобы люди могли свободно входить и выходить. Не только отдыхающие, но и все желающие посидеть во дворике под кипарисами, в тени, в прохладе.

— Чужих пускать? — возмутился Федор, буд-то речь шла о его собственной жилплощади.

Федя ныл, скандалил, ходил к Ильичу каждый день и проел-таки ему плешь. Но это было уже позже, можно сказать совсем недавно. Несколькими сезонами назад. Ильич решил не чинить входную калитку, как хотела Галя, — пусть заходят, пусть сидят, но дал разрешение на установку железной двери с кодовым замком на входе



в само здание, как просил Федор. Вход считался черным, но пользовались им активно, особенно дети, которые бегали по двору, потом неслись в туалет, рискуя описаться по дороге. Но Федя сказал, что если посторонние решат зайти и что-то украдут, то он предупреждал. Дверь поставили. И кодовый замок. Первые два дня после установки Федор был счастлив. Просто на седьмом небе. Ходил и светился. Поскольку была его смена и отдыхающие, привычно заходившие через беззамочную калитку во двор, застревали в недоумении перед еще одной железной дверью, с кодом. И снова приходилось искать камень и стучать по прутьям. А за дверью маячил Федя и наслаждался: «Правила для кого писаны? После одиннадцати вход воспрещен! Администрация!»

Но Федорово счастье длилось недолго. Вышедшая на смену Галя выдавала код, который оказался простым до неприличия — «два-четыре-шесть» всем отдыхающим. Дети быстро наловчились нажимать на кнопки, причем с обеих сторон. Кнопочки находились с внутренней стороны, то есть открыть дверь можно было только изнутри. Но дети выкручивали руки, отжимали, открывали и пропускали всех желающих. Взрослые тоже научились вслепую попадать пальцами куда надо и заходили беспрепятственно.

Федор, когда заступил на смену, сначала даже не понял, что все его старания пошли насмар-

Уважаемые отдыхающие!



ку — никто не кричал, не стучал в дверь. А когда увидел, как отдыхающие ловко, просовывая руку между решеток, нажимают код, то впал в истерику. Оставалась надежда на новеньких проживающих, которым старенькие не успели передать сокровенное знание о коде. И ведь раньше никто не спорил, права не качал. А сейчас?

— Мы тут чё, бесплатно живем? Отдыхать приехали. Деньги вы дерете, как в Европе. А сервис — совок, — взъерепенился как-то мужик-отдыхающий, — слышь, ты, на неделю я тут хозяин. И буду гулять, приводить, выносить, проносить, сколько и кого захочу. А ты сделай так, чтобы мне понравилось тут. Понял?

— Возмущаются они! — бубнил Федор. — Так и пусть ехают туда, к нам тогда чего прутся? А если прутся, то у нас тут не Европа!

Да, не Европа. Узкие улочки, созданные для крошечных машинок, велосипедов, мопедов и прочей мелкогабаритной техники, втискивали в себя джипы-внедорожники, «газели», привозившие продукты, «мерседесы» с широкими задками и грузовики, доставлявшие кирпич для постройки новых частных домов. Потому что у нас тут вам не так, как у них. У нас «газель» — главная машина!

Машины едут по набережной. Кто-то давит на гудок, кто-то нет. Под колесами оказываются дети, мячи, мамыши, опять дети и снова мячи.

Удивительно, но ни одного несчастного случая. Дети и мячи в целости и сохранности. Наверху, у начала набережной, надо развернуться на крохотном пяточке, где уже стоят автомобили. Или ехать в объезд, по дороге, рассчитанной на одну машину, цепляя зеркалами стену. Местные, те с закрытыми глазами едут, задом сдают так, что залюбуешься. Если же кто застрял да корячится, выехать не может, — точно приезжий. А потом снова вверх, где еще у же. И тут счет идет на миллиметры. Местные все водители — миллиметровщики. Другой дороги-то нет. Еще, бывает, встанут и перегородят машинами улицу. Отдыхающие по стеночкам домов протискиваются. А водилы стоят и про жизнь, про погоду болтают. Италия вроде как. Те, кто был в Италии, говорят, что там точно так же, как здесь. Так что на самом деле не хуже, чем в Европе.

Про постельные принадлежности — очень нужный пункт. Это сейчас подстилки на любой вкус. А раньше? Ладно еще отдыхающие покрывала с кровати на пляж носили, так еще и одеяла шерстяные утаскивали! Расстелят, камешками с четырех сторон придавят и ложатся загорать. С одной стороны, удобно — мягко, галька в спину не врежется. С другой — жарко и колко от такой подстилки. Долго не лежишь — опять в море бежать, чтобы от пота, который сразу выступает, если на шерсти лежишь, ополоснуться. Девушки терпят — лежат до последнего, пока одеяло не начнет так парить, что мочи

Уважаемые отдыхающие!



нет, а кожа не покраснеет. Потом, после пляжа, с одеялом одни мучения — от соли колом стоит, полоскать на руках — никаких сил не хватит. Оно же неподъемным становится. Нет, некоторые отчаянные девушки пытались стирать — укладывали одеяло в поддон душа и поливали сверху. Только потом как отжать? Не отожмешь. Пока до балкона дотащишь, весь пол мокрый. На балконе и вовсе по щиколотку. Вода с одеяла не ручьем, а полноводным потоком стекает. В общем, кто хоть раз пытался стирать одеяло — знает. Руки помнят.

И запах. Да, как же можно забыть про запах, который немедленно начинает источать мокрое шерстяное одеяло? Впитав в себя целый букет — от сигаретного дыма и вяленой рыбы (да, в прошлом сезоне отдыхающие на одеяле рыбу разделявали) до аромата духов, ничем не выветриваемого (в позапрошлом сезоне мужик так и не смог объяснить внезапно нагрывавшей жене, отчего в номере отчаянно воняет чужой бабой), — одеяло при замачивании начинает отдавать всё сразу. И тут уже особо чувствительным не устоять. Аж глаза начинают слезиться.

Вот и что делать со злополучным одеялом? Сложить и убрать в шкаф подальше, лучше на верхнюю полку, пусть потом уборщица разбирается. А уборщице что делать? В стиралку не засунешь — барабан не тянет, да и не помещается. Только в химчистку. А химчистка под запретом, с разрешения директора. Директору же

не до одеял, у него других забот полно. Так что одеяло вывешивается в углу двора, на прожарку, на солнцепек, выбивается палкой, а то и веником. Поливается дождем и снова выжаривается. Пятна если и остаются, то их не видно — одеяла-то коричневые.

Да и зачем, скажите на милость, одеяла в сезон? Жара же. Сдохнуть можно. Вечером прохлады долгожданная. Ночью хоть охолонуться можно. Но по укомплектации положено одеяло в номере. Да и мерзлявые дамочки попадают — им укрыться хочется.

Но это ладно. Пусть укрываются, если желают, только зачем на пляж-то тащить? А они тащат! На набережной что только не продается — и коврики из соломки, и полотенца. Да хоть матрас купи и лежи сколько хочешь. Очень удобно. Так нет же, все равно одеяла тащат. Несколько раз вообще ковровые дорожки на пляж выносили. Ну что за люди? Вниз дорожку кладут, сверху полотенце казенное и валяются. Им хорошо, а что потом с дорожкой? Мелкие камни прилипают, пылесос их заглатывает, поперхивается и ломается. Пылесосов не напасешься. Ладно же обтрухали за собой, так нет же.

Зато жалуются, что сток в душе засорился. Вода в поддоне стоит. Конечно, стоит, как не стоять? Волосья свои намывают, сток засоряется. Зачем голову каждый день мыть? Раз в неделю нельзя? Вредно ведь, когда каждый день. Все знают, что вредно. Мало волосьев, так еще

Уважаемые отдыхающие!



и камни, песок. Струсить-то никак нельзя заранее? Сами виноваты. А еще жалуются. И ты им перечить не смей. Они ж по путевке, деньги уплючены.

Все-таки раньше порядку больше было. Люди понимающие. Вот напишешь им объявление: «Закрывать дверь после захода в помещение!» — и они закрывают. Не все, конечно, но большинство. Или: «Перед заходом в спальный корпус — обтруситься!» И ведь тоже понимают. Обтрухаются.

А сейчас? Им хоть на лбу напиши — наплевать. Вежливо просишь: закрывайте дверь — а они и бровью не ведут. Еще и оскорбляются — мол, вы тут обслуга, вы и закрывайте двери.

Настя за дверь очень ругается. Прямо пунтик у нее. Если кто закрывает, она даже улыбнется, мусор пораньше вынесет. А если не закрывают, так Настя ничего с собой поделать не может — обязана убраться, а не убирается. Тряпкой повозит и выходит. У Насти для женщин два определения — засранка и чистюля. И не понятно, что хуже. Если вещи разбросаны, так засранка, если убраны, Настя тоже недовольна. Она любит наряды разглядывать. Особенно у столичных дамочек. Сразу понимаешь, что сейчас в моде, а что нет. До них-то мода лет через пять дойдет и то в лучшем случае. А Настя всегда в курсе новинок. Поэтому чистюля не любит. У Насти же правило — в шкаф она не лазит. А вот если валяются на стуле или на кро-

Маша Трауб



вати, то можно. Галина Васильевна сколько раз говорила, предупреждала, но у Насти была своя железобетонная логика:

— Я ж не меряю, я только смотрю.

Вот интересно. Галина Васильевна думала, что Настя здесь надолго не задержится. Не ее эта работа. Да сколько уж таких Насть переменилось, и не сосчитать. Приезжают на сезон, присматриваются, а там кому как повезет. Или не повезет. Галина Васильевна с десяти метров видела — кто только сезон продержится, а кто и сезона не пробудет. С Настей ошиблась. Прижилась.

— Галина Васильевна, я чё, каждый день должна полотенца менять? А белье они хотят чистое — раз в три дня. Кто им стирать будет? Я, что ли? Пусть едут в пансионаты и там хоть обстирайся. Галина Васильевна, скажите Ильичу за машинку. Она у меня уже конем скачет, всю плитку на полу сбила. Когда отжимает, так я на нее чуть ли не ложусь, чтобы удержать. Они просят, чтобы я им вещи постирала. И деньги суют. Да зачем мне деньги? Мне машинка новая нужна! И счетчик выбивает! Там совсем кранты! Если машинка тянет, то чайник я уже не включу. И уют ел-е-е теплый. Так мне что — убится за это белье? Ильич на меня ругается, отдыхающие жалуются. А я при чем? Зачем им каждый день? Такие грязные, что ли? Раз в пять дней положено ведь! Уборка по запросу. Мусор накопился? Так что, сложно подойти и сказать, что корзина полная? Я догадываться должна? А они спра-